

Соболевский А. В.

ОБРАЗ ЖЕНЩИН ИНЫХ КУЛЬТУР В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XVI ВЕКА

Статья посвящена восприятию женщин иных культур в русской литературе XVI в. Автор приходит к выводу, что женщинам иных культур приписывались серьезные отклонения от принятой на Руси модели женского поведения. При этом такое отклонение выступало как негативная характеристика, в то время как при описании уклада жизни иных стран эти отклонения часто воспринимались нейтрально или с сочувственным интересом.

Ключевые слова: *Русское централизованное государство, русская литература, «образ другого», история женщин.*

В современной исторической науке все большее распространение приобретают исследования, посвященные «образу другого», формирующегося в различных взаимодействиях, прежде всего межэтнических. Существует уже и название для соответствующей исторической субдисциплины, развивающейся в рамках историко-антропологического направления исследований – имагология (Репина, 2012: 13), хотя оно пока не институционализировано в полной мере.

Становится все более очевидной возможность выявления определенных законов конструирования образа национального характера и уклада жизни иного этноса, в частности роль психологических факторов, вызывающих не всегда правомерное обобщение единичного, обращение внимания на те из единичных фактов, которые наиболее соответствуют заранее сформированным ожиданиям, и др. (Репина, 2012: 15). В то же время мы полагаем необходимым отказаться от категорических суждений на этом основании относительно соответствия этих образов исторической реальности. Если иностранный путешественник отмечает, например, свободу сексуальных нравов или распространенность бытового насилия в описываемом им обществе, то из того факта, что именно такого рода обвинения являются весьма распространенными при создании образа иной культуры, не следует делать вывода, что они не имеют под собой фактологической основы.

Яркое подтверждение стереотипности первого обвинения дает, конечно, хорошо известный в литературе XVI в. рассказ начальной русской летописи (входившей в состав большинства сводов) о том, что из всех восточнославянских племен лишь поляне, несмотря на свое язычество, отличались «стыдением», в том числе и в отношениях между мужчинами и женщинами, прочие же племена поголовно записываются в имеющие «звериный», «скотский» обычай (Летописный сборник, 2000: 5). Общепринятым является толкование этого пассажа как сугубо тенденциозного, обусловленного лишь тем, что поляне для его автора были «своими». И это, по-видимому, действительно так, поскольку рациональных оснований считать уклад частной жизни полян в корне отличным от соседей не просматривается.

Приведем, однако, и пример обратного характера. Отталкиваясь от того же тезиса о стереотипности межэтнического восприятия, Г. С. Зеленина предполагает, что обвинения иностранных путешественников в широком распространении в России XVI–XVII вв. содомии (гомосексуализма) являются лишь следствием предвзятой интерпретации шуточных или бранных высказываний на эту тему, тогда как на Западе публичное обсуждение этого было табуировано (Зеленина, 2002: 201). В то же время от внимания автора, склонного считать свидетельства пенитенциарной и нравоучительной литературы «следованием закону жанра», как будто ускользает, что отечественные публицисты именно начиная с XVI в. настойчиво «бьют тревогу» по поводу распространения того же содомского греха, который считают предвестником гнева Божия на царство, пораженное этим недугом (Послание, 2008: 63; Послание, 1998: 360). Конечно, причины обращения к этой теме могут быть различными, в том числе не исключено и то, что они носят книжный характер, имея мало общего с реальной ситуацией, но уж какая причина по определению исключается в этом случае, так это действие стереотипов восприятия иных культур.

На этом небольшом примере мы видим, как далек пока еще от однозначного решения вопрос о степени корреляции этнографической реальности и ее отображения в инокультурных источниках. Поэтому актуальным является продолжение изучения данной темы, в том числе на относительно малоизученной в данном аспекте материале русской литературы XVI в. В прежние времена разработка этой темы была затруднена историографической традицией, видевшей в ней либо малоактуальную, либо не вполне подходящую для публичного обсуждения проблематику, в наше же время внимание не слишком многочисленных специалистов по истории частной жизни привлекают обычно либо XVII в., значительно более богатый материалом, либо Древняя Русь (Пушкарева, 1997; Кантор, 1999).

Между тем, по мнению автора данной статьи, XVI в. представляет собой в истории России не просто глубоко своеобразный, но и во многом ключевой период, заложивший столь прочные основы нового национального самосознания, что некоторые из них, несмотря на все исторические трансформации, живы и поныне. Возможно, в качестве доказательства было бы достаточно напомнить хотя бы об одном лишь возникшем именно тогда концепте «Москва – третий Рим» (Синицына, 1998). Идеи национального суверенитета, единодержавия и самодержавия, канонического единообразия, доходящего до отстаивания «одной иоты» (в будущем старообрядчестве), разрешения большого вопроса о взаимоотношениях священства и царства через понятие симфонии, и даже мессианская идея – все это берет начало именно в XVI в., гораздо глубже перекроившем все мировоззрение прежде раздробленной и подвластной монголам Руси, чем это может показаться на беглый взгляд.

Не стала исключением и сфера отношений мужчины и женщины. Она также была глубоко «переформатирована» в данном столетии. Под давлением Церкви и государства вытесняются пережитки язычества и родового уклада, и малая патриархальная семья (как базовая социальная ячейка, недаром уподобляемая и «малой Церкви», и царству во главе с «государем дома») приобретает гораздо более определенные очертания, скрепляясь в элитарных кругах непременным церковным венчанием (для крестьян оно оставалось пока факультативным) (Пушкарева, 1997: 23). В церковной публицистике отношение к законному браку заметно меняется – отныне он не просто «дозволен» на фоне монашеского идеала, а становится понемногу предметом похвалы и даже апологии (как, например, в уникальной житийной «Повести о Петре и Февронии») (Повесть о Петре, 1984: 638–646). Своего рода кодексом нового семейного уклада стал «Домострой», общеизвестная редакция которого, ориентированная не только на служилый, но и на посадский (торгово-ремесленный) люд, видимо, поэтому ставшая столь популярной, была составлена именно в XVI в. Ограничивая активность женщины вне дома (давая как бы идейное обоснование феномену «теремного затворничества», распространившегося в то время, хотя последовательно только в среде общественной элиты), «Домострой» тем более ярко отображает ее незаменимую роль как управительницы дома (Домострой, 2007: 24, 26, 27) – возросшая активность женщины в частной жизни (хозяйстве, воспитании детей) подтверждается и другими источниками (Скрипиль, 1948: 276–323).

Приблизительно так в общих чертах выглядели процессы трансформации положения женщины в России XVI в. Бесспорно, некоторые ее права, особенно в публичной сфере, получили дополнительное ограничение (Белякова и др., 2011: 109), но это не мешало ни утверждению более активной и самостоятельной роли в частной жизни, ни возрастанию проявлений индивидуальности личности вообще, в том числе и женской, с которыми обществом так или иначе приходилось считаться.

Каким же образом воспринимало данное общество иные модели семейного уклада? Следует сразу обратить внимание, что непосредственный контакт с иными этносами и религиями в интересующем нас аспекте был, по-видимому, достаточно слабым. Даже в следующем, XVII в., условием женитьбы служилого иностранца на русской являлось принятие православной веры

(Пушкарева, 1997: 168), что неизбежно вело к сильному уподоблению уклада жизни новой семьи распространенным образцам. Австриец С. Герберштейн рассказывает довольно обидный для русского национального чувства анекдот о жившем в Москве немце-кузнеце, взявшем в жены русскую и по ее же наставлениям взявшем привычку применять к ней физическое насилие, но не сумевшем его соразмерить, что повлекло за собой фатальный результат (Герберштейн, 1988: 112). Независимо от того, насколько можно доверять фактологической канве этого сюжета (следует заметить, что сочинение С. Герберштейна в целом не является враждебным России), нас в данном случае интересует лишь картина стремления иностранца приспособиться к русскому бытовому укладу – картина, вероятно, типичная. Известно, что многие русские дворянские роды возводили свое происхождение к «выезжим» с Запада, а еще чаще с Востока «мужам». Конечно, в ряде случаев это являлось легендой – например, исследователи не признают татарское происхождение Годуновых, которое казалось несомненным еще во времена Пушкина (Скрынников, 1983: 5). Тем не менее в значительной доле подобные генеалогии верны – но нам неизвестны в источниках того времени какие-либо свидетельства бытования отдельной субкультуры крещеных татар (как и немцев), а следовательно, и принципиальных различий в их семейном укладе. Особенно быстро, вероятно, ассимилировались обращаемые в холопов пленники, тем более что по постановлению 1558 г. их освобождали в случае принятия православия (Хелли, 1998: 81), что, разумеется, предполагало невозвращение на родину.

Этим мы, разумеется, не хотим сказать, что таких контактов вовсе не было или что они всегда разрешались быстрой и безболезненной ассимиляцией, не находя даже прямого отражения в тексте наших источников. Источники рассматриваемого столетия почти не предоставляют возможности увидеть в подробности коллизии частной жизни конкретных людей, исключая немногочисленные почти чудесные исключения, как, например, упоминание о расторжении помолвки знатной девушки с выплатой крупного штрафа несостоявшемуся жениху, на что семья невесты согласилась «ради ее слез» (эта история легла в основу целой научной статьи) (Пушкарева, 2000: 268–284). Но есть и еще одно исключение, помогающее историку преодолеть эту, казалось бы, непроницаемую стену – свидетельства о жизни царского (ранее великокняжеского) семейства. Общеизвестно, что долгое время, до первой жены Ивана III включительно, жены московских великих князей были представительницами рода Рюриковичей или реже Гедиминовичей. Затем наступает период экспериментов с династическими браками (византийская царевна Софья Палеолог, дочь молдавского князя Елена, Елена Глинская, литовская княжна из рода, считавшего себя происходящим от Мамай, черкесская вторая жена Ивана Грозного Мария Темрюковна, здесь же можно отметить несостоявшийся последний брак того же царя с английской аристократкой Марией Гастингс), перемежавшийся, впрочем, византийским по происхождению обычаем выбора жены на смотринах дочерей служилых людей (Соломония Сабурова, Анастасия Романова, Марфа Собакина и другие), который в следующем столетии восторжествовал окончательно. Возможно, одной из причин этому была именно та ярко выраженная непопулярность чужеземных цариц, о которой сообщают нам источники.

Старый боярин Берсень Беклемишев, казненный за крамольные речи в 1525 г., говорил своему собеседнику Максиму Греку: «Как пришла сюды мати Великого Князя Великая Княгини Софья с вашими Греки, так наша земля замешалася и пришли нестроения великие, как и у вас в Царегороде при ваших царях», и в ответ на дипломатичное указание собеседника о ее знатном происхождении, настаивал: «Какова ни была, а к нашему нестроению пришла» (Отрывок, 1836: 142). Это можно было бы счесть случайным эпизодом. Но что тогда сказать о сообщении неизвестного летописца конца XV в., описывающего бегство Софьи Палеолог на север с чужеземной свитой от нашествия татар, иронизирующего над трусостью княгини, которая «бегала» от татар, «а не гонял никтоже», и ее свиты из греков, «иже не сташа мужествене» на защиту родной земли, а теперь скитающихся в качестве «бездомков» (Ермолинская, 2004: 182), разоряя

постоем местное население? Ни одна прежняя великая княгиня (а среди них были и такие, которые также эвакуировались из Москвы, например, жена Дмитрия Донского при нашествии Тохтамыша в 1382 г.) не удостаивалась, насколько известно, подобного тона. А между тем данный пассаж неоднократно переписывался, входя в состав не только Ермолинской, но и Софийской Второй, Львовской и других летописей. Каково было отношение придворных к следующей «иностранке» на русском престоле, красноречиво свидетельствует ее сын, Иван Грозный, болезненно припоминающий своему адресату Курбскому, что его дед был в числе тех придворных, которые после смерти Елены Глинской перенесли ее личное имущество в государственную казну подчеркнуто грубо и небрежно, «кололи» и «ногами пхали» ее вещи, произнося при этом «многая надменная словеса» (Первое послание, 1979: 25–27). Конечно, первопричиной были, вероятно, личные счеты, и все же подобное поведение в отношении памяти царствующего, хотя и малолетнего, государя вряд ли являлось нормой. Ничего подобного в отношении русских по происхождению цариц мы в источниках не находим.

Однако что же именно могло быть поставлено в вину иностранкам? Ведь для самих правителей они являлись престижными и желанными невестами, не только по чисто дипломатическим соображениям, но также, вероятно, и по тем же причинам, по которым дворянами и самими правителями охотно подчеркивалось свое иноземное происхождение (принцип ксенократии). Чужой, даже если он правит не по праву завоевателя, легитимизирует свою власть своей необычностью, иноприродностью (Аверинцев, 1976: 19) – сравним с приведенными выше примерами жалобы князя С. Ростовского на то, что молодой Иван Грозный «истеснил» знать женитьбой на «своей рабе» (то есть дочери такого же своего слуги, как и они, Анастасии Романовой), заставив их жен подчиняться «своей сестре», равной им по положению (Летописный сборник, 2000 (2): 236). Казалось бы, из слов князя, ссылающегося на широкораспространенные среди знати настроения, следует норма женитьбы правителя на иноземной принцессе, которую нельзя было бы счесть, скажем так, «выскочкой». Однако на практике мы сталкиваемся с еще более резким неприятием такого матримониального варианта.

Князь-эмигрант А. Курбский изрекает в своей «Истории о великом князе Московском» поразительно близкую по смыслу к словам Берсеня Беклемишева инвективу против жен рода московских правителей (исходя из контекста повествования, начинается этот ряд со все той же Софьи Палеолог). Думается, эта параллель дает основания предположить, что автор в данном случае транслирует устойчивое мнение, циркулировавшее в придворной среде. Однако он формулирует это мнение более точно: жены московских князей были «злыми и чародейцами» (История, 1914: 182)!

Нам неизвестны обвинения в колдовстве в адрес самой Елены. Однако трудно не вспомнить весьма известный и колоритный эпизод народных волнений 1547 г. после большого пожара Москвы, когда погорельцы обвинили родственников покойной регентши и в первую очередь ее престарелую мать не просто в поджигательстве, но и в использовании для этого колдовского действия. Она, оказывается, «вымала сердца человеческия», а потом ездила по городу, окропляя его водой, в которой были вымочены эти сердца, или даже «сорокою летала да зажигала» (так называемая Царственная книга, 2000: 456). С точки зрения правительства Ивана IV (которая отразилась в летописи), подняться против Глинских чернь «наустиша бояре». Если это действительно так, вышеописанная фантастическая история берет свое начало не в «темных» народных кругах, а в тех же самых придворных сферах, где изрекались в адрес покойной Елены «надменная словеса». Если вспомнить, что Курбский (логически рассуждая) почти наверняка включает во множественное число «жен злых и чародейц» Елену Глинскую, мы едва ли погрешим против истины, если предположим, что и мать Ивана Грозного обвинялась современниками в колдовстве, хотя подробности этих обвинений навсегда исчезли во тьме веков. Возможно, очень отдаленные их отголоски можно увидеть в интересном, но во многом загадочном сочинении «Вы-

пись о втором браке Василия III», где устами восточных патриархов предрекается рождение от несправедливого второго брака (при живой жене, канонически весьма сомнительно постриженной в монастырь) преступного царя-мучителя (исходя из принятой в среде историков презумпции отнесения всякого пророчества как сделанного *post eventum*, оно обычно датируется временем не ранее действительного начала массовых репрессий Ивана Грозного) (Зимин, 1976: 132–133). По очень искаженному и туманному сообщению С. Герберштейна, преподобный Максим Грек (которого он ошибочно считал убитым) пострадал именно за противодействие второму браку Василия. Поскольку информаторами Герберштейна были все те же столичные относительно высокопоставленные круги, получаем новое доказательство, что на второй брак правителя еще при его жизни в этой среде смотрели довольно косо. Но действительно ли причиной, а не предлогом было нарушение морально-этических норм для той среды, представителей которой современник Василия III московский митрополит Даниил в своих проповедях весьма красочно обличал в супружеской неверности, не говоря уже об упомянутом выше содомском грехе (Жмакин, 1881: 29, 33)? Ведь и сам Курбский, по словам Ивана Грозного, «понял стрелетцкую жену» (Второе послание, 1979: 104), причем имеется в виду отнюдь не законный брак. Возможно, именно иностранное происхождение было если не причиной, то катализатором неприязненного отношения придворной верхушки к своей новой «госпоже», оценке ее брака как «нечистого», «нечестивого». Вспомним теперь и летописные свидетельства о том, что Софья Палеолог приглашала к себе «баб» с «зелием», после чего великий князь Иван III начал с нею жить «в брежении», то есть опасался жены, дистанцировался от нее (Новгородская летопись, 2004: 211). Практически в то время колдовство и отравление мало различались (Райан, 2006: 383–384), так что мы не можем утверждать, какого из этих двух видов вреда для себя от «зелия» опасался правитель.

«Злые и чародейцы» разделены в сообщении Курбского союзом «и», что предполагает неполное отождествление этих терминов. В чем же еще могла проявляться «злоба» женщин царственной фамилии? Если судить по контексту приведенных слов, можно полагать, что они считались злыми советницами, подстрекавшими московских правителей преследовать и грабить своих родственников и подданных. Такая интерпретация находит подтверждение в других источниках. В частности, один из иностранных свидетелей сохранил для нас мнение современников о решающей роли царицы Марии Темрюковны в замысле введения опричнины (Штаден, 1925: 85). Относительно Василия III раздосадованный Берсень Беклемишев использует выразительный оборот «делает все дела запершись у постели сам-третей» (Отрывок, 1836: 142). С кем втроем обсуждал государственные дела в своих личных покоях великий князь, не поясняется, и вряд ли можно видеть среди них его жену, о политической активности которой до смерти мужа сведений не имеется, но само обвинение правителя в ограничении круга советников узким, интимным кружком, минуя членов боярской думы, хорошо согласовывается с озвученным Курбским представлением о вредоносном влиянии «злых жен». Из всех государевых супругов русского происхождения на протяжении XVI в. нечто подобное просматривается только применительно к Анастасии Романовой, прославленной поздними летописцами за ее благотворное влияние на царя (Временник, 1951: 181), однако имевшей какие-то трения с его советниками Сильвестром и Адашевым, что и побудило его впоследствии обвинять их в ее погублении (Первое послание, 1979: 32, 45; Второе послание, 1979: 104). Заметим, что царь нигде и никогда не обвиняет «изменных бояр» в скоропостижной смерти своей матери Елены Глинской, хотя историки, напротив, традиционно видят злоумышление именно в этом случае. Таким образом, пресловутая подозрительность Ивана Грозного не была всеобъемлющей, и поэтому за отмеченным выше обвинением должен был стоять как минимум факт неприязненных отношений обеих сторон (Анастасии и советников), возможный только в том случае, если первая имела известное влияние, противоречившее позиции последних. Однако, как нетрудно заметить, данная история оставила

значительно более слабый и неясный след в источниках, чем в случае с «иностранками», так что мы не имеем даже представления о сути разногласий.

Достоинство завершает галерею обвинений в колдовстве и стремлении давать «злые» политические советы обвинение в покровительстве ереси. Оно считается поводом к расправе над молдаванкой Еленой Стефановной, супругой и матерью несостоявшихся наследников престола (Ивана Молодого и Дмитрия-внука), за что она и провела недолгий остаток жизни в темнице (Борисов, 2003: 619), хотя, строго говоря, близость еретиков к окружению правительницы и синхронность расправы над ними не дают прямого ответа на вопрос о причинах и поводе столь сурового обращения с великокняжеской невесткой. Можно только констатировать, что иностранке вновь выпала на долю жестокая участь.

Подведем промежуточные итоги. Львиная доля отрицательных высказываний, допускаемых нашими источниками в отношении женской половины царствующего дома, приходится на иноземных по происхождению ее членов. Конечно, это не случайность. Иностранки, очевидно, были признаны общественной элитой, мнение которой сохранили для нас источники, легитимной мишенью для критики. Можно ли найти какой-то более общий знаменатель для всех перечисленных выше частных обвинений? Думается, да. Этим знаменателем является предполагаемая самодеятельность, самочинность в их поведении, которая и приводит к преступлению тех или иных границ. Не случайно в нравоучительной литературе, распространенной в то время, среди компонентов образа «злой жены», как обращает внимание Н. Л. Пушкарёва, доминировали связанные с самостоятельностью, нежелательной активностью (Пушкарёва, 1989: 101).

Почему такая активность ожидалась именно от иностранок, которые, казалось бы, могли чувствовать себя на практике в чужой среде менее уверенно, чем местные уроженки? Возможно, любые непривычные детали поведения, даже второстепенные, обусловленные разницей культур, воспринимались как деятельное отклонение от нормы, «заведение иных обычаев». Однако более вероятным представляется влияние прочно сложившегося к тому времени стереотипа о радикальном, нередко контрастном отличии уклада жизни в иных землях. Мы помним, как противопоставлялось «стыдение» полян «зверскому обычаю» прочих восточнославянских племен. Но в той же начальной русской летописи содержится и этнографический экскурс (заимствованный из византийской хроники Георгия Амартола) о «гилеях», жены которых ведут себя во всем подобно мужам, а также подробный рассказ о мифических амазонках (Летописный сборник, 2000: 6) – то есть в иных краях закономерна зеркальная антитеза собственному укладу. Помимо этого летописного текста, образованным людям XVI в. были хорошо известны и другие подобные – «Повесть о царице Динаре», где на грузинском материале рассказывается хорошо известный сюжет о деве-освободительнице, весьма отдаленным прототипом которой является царица Тамара (Повесть 1984: 38–46); переводная сербская «Александрия», в которой значимое место занимает рассказ о «марсидонских женах» (все тех же амазонках), более сильных в бою, чем воины Александра Македонского (Александрия, 1965: 54), и, наконец, «Казанская история», автор которой придает поведению татарской царицы Сумбеки (Сююн-бике, это историческое лицо) (Моисеева, 1956: 174–187), которой явно сочувствует, более живые и динамичные черты, чем те, которые были привычны при обрисовке женского образа в русской литературе того времени. Я. С. Лурье находит здесь параллели с образами Роксаны в «Александрии» и Елены в «Троянских сказаниях» (Лурье, 1980: 261), однако акцент делает на светском характере этих повестей, а не на иностранном происхождении их героинь. На самом деле, по-видимому, и здесь мы имеем дело с ожиданием от чужеземных женщин «антиповедения», которое в первую очередь контрастирует с наиболее ценными женскими добродетелями, смирением и целомудрием. Столетием ранее Афанасий Никитин (текст сочинения которого был включен в некоторые летописи и, следовательно, достаточно известен и в XVI в.) спокойно отмечает, что в Индии

«все женки» отличаются распутным поведением (а также ведьмы, отравительницы) (Хождение, 1958: 16).

Впрочем, «прелюбодейная» тема практически не звучит в инвективах, направленных на иностранных спутниц жизни русских правителей (если не считать Елены Глинской, связь которой с князем Оболенским, вопреки произвольным предположениям, звучавшим еще у историков XIX в., никак не фиксируется ранее смерти мужа) (Кром, 2010: 157–158). Почему это так – вопрос, требующий отдельного осмысления. Остальные элементы ожидавшегося от иноземных женщин «антиповедения» – вмешательство в политическую жизнь, колдовство, ересь – представлены в наших источниках, как бы ни был скуден их корпус.

В заключение хотелось бы отметить следующий момент. При описании уклада жизни иных культур («законов») сравнительно мало места уделяется их обличению – чаще различия (в частности, в женском поведении) описываются нейтрально, а то и с явным интересом, если не сказать сочувствием. Это касается всех приведенных выше примеров. Совсем иное дело проникновение носительниц альтернативной модели поведения в собственную среду. Здесь любые отклонения от сложившейся в России культурной традиции бытового поведения женщины встречались, как видим, весьма неодобрительно (по крайней мере, обратных примеров не наблюдается). Видимо, причины столь разного отношения к одному и тому же феномену в разных контекстах лучше всего выразил тот же Берсень Беклемишев, слова которого кажутся достаточно типичным выражением русского мировоззрения, в том числе и более поздних столетий, которому был в целом не свойствен распространенный на Западе принцип культуртрегерства: «Которая земля переставливает обычи свои, и та земля недолго стоит».

Список литературы

- Аверинцев С. Судьбы европейской культурной традиции в эпоху перехода от Античности к Средневековью // Из истории культуры Средних веков и Возрождения. М.: Наука, 1976.
- Александрия: Роман об Александре Македонском по русской рукописи XV в. / изд. подгот. М. Н. Ботвинник, Я. С. Лурье, О. В. Творогов. М.–Л.: Наука, 1965.
- Белякова Е. В., Белякова Н. А., Емченко Е. Б. Женщина в православии: церковное право и российская практика. М.: Кучково поле, 2011.
- Борисов Н. С. Иван III. М.: Молодая гвардия, 2003.
- Временник Ивана Тимофеева / подготовка к печати, перевод и комментарии О. А. Державиной; под. ред. чл.-корр. АН СССР В. П. Адриановой-Перетц. М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1951.
- Второе послание Ивана Грозного Курбскому // Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским / текст подготовили Я. С. Лурье и Ю. Д. Рыков; Академия наук СССР. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1979.
- Герберштейн С. Записки о Московии. М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1988.
- Домострой / изд. подготовили В. В. Колесов, В. В. Рождественская. 3-е изд. СПб.: Наука, 2007.
- Ермолинская летопись // Полное собрание русских летописей. М.: Языки славянской культуры, 2004. Т. 23.
- Жмакин В. И. Митрополит Даниил и его сочинения. М.: в Университетской типографии, 1881.
- Зеленина Г. С. Свидетельства иностранцев XVI–XVII веков о московитах-содомитах // Адам и Ева: Альманах гендерной истории. М.: ИВИ РАН, 2002. Вып. 2.
- Зимин А. А. Выпись о втором браке Василия III // Труды Отдела древнерусской литературы / Академия наук СССР. Институт русской литературы (Пушкинский Дом); отв. ред. Д. С. Лихачев. Л.: Наука, 1976. Т. 30.
- История о великом князе Московском // Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией. Т. 31. Сочинения князя Курбского. Т. 1. Сочинения оригинальные. СПб.: Типография М. А. Александрова, 1914.
- Кантор А. М. Духовный мир русского горожанина. Вторая половина XVII в. Очерки. М.: Российский государственный гуманитарный институт, 1999.
- Кром М. М. «Вдовствующее царство»: политический кризис в России 30–40-х годов XVI в. М.: Новое литературное обозрение, 2010.

Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью // Полное собрание русских летописей. М.: Языки русской культуры, 2000. Т. 9.

Лурье Я. С. Литература в период образования единого Русского государства. Элементы Возрождения в русской литературе. Середина XV–XVI вв. // История русской литературы в 4 т. Т. 1. Древнерусская литература. Литература XVIII века. Л.: Наука, 1980.

Моисеева Г. Н. Казанская царица Сююн-бике и Сумбека «Казанской истории» // Труды Отдела древнерусской литературы (ТОДРЛ). Т. 12. М.–Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1956.

Новгородская летопись по списку П. П. Дубровского // Полное собрание русских летописей. М.: Языки славянской культуры, 2004. Т. 43.

Отрывок следственного дела об Иване Берсене и Федоре Жареном // Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою Экспедицией императорской Академии наук. СПб., Типография 2-го Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1836. Т. 1.

Первое послание Ивана Грозного Курбскому // Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским / текст подготовили Я. С. Лурье и Ю. Д. Рыков; Академия наук СССР. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1979.

Повесть о Петре и Февронии Муромских // Памятники литературы Древней Руси. Конец XV – первая половина XVI в. / сост. и общ. ред. Л. А. Дмитриева и Д. С. Лихачева. М.: Художественная литература, 1984.

Повесть о царице Динаре // Памятники литературы Древней Руси. Конец XV – первая половина XVI в. / сост. и общ. ред. Л. А. Дмитриева и Д. С. Лихачева. М.: Художественная литература, 1984.

Послание к царю Иоанну Васильевичу / Макарий, архимандрит. К вопросу об авторстве Послания к царю // Альфа и Омега. № 3 (53). 2008.

Послание московскому великому князю Василию Ивановичу о «Третьем Риме», обязанностях правителя, обряде крестного знамения // Третий Рим. Истоки и эволюция русской средневековой концепции / Н. В. Сеницына. М.: Индрик, 1998.

Пушкарёва Н. Л. Женщины древней Руси. М.: Мысль, 1989.

Пушкарёва Н. Л. «Слез ее ради...». Опыт микроанализа эмоциональных отношений семьи «новых русских» XVI столетия // Социальная история. Ежегодник. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2000.

Пушкарёва Н. Л. Частная жизнь женщины в доиндустриальной России. X – начало XIX в. Невеста, жена, любовница. М.: Ладомир, 1997.

Райан В. Ф. Баня в полночь. Исторический обзор магии и гаданий в России. М.: Новое литературное обозрение, 2006.

Релина Л. П. «Национальный характер» и «образ другого» // Диалог со временем. 2012. № 39. С. 9–19.

Сеницына Н. В. Третий Рим. Истоки и эволюция русской средневековой концепции. М.: Индрик, 1998.

Скрипиль М. О. Повесть об Улиянии Осорьиной (Комментарии и тексты) // Труды Отдела древнерусской литературы / Академия наук СССР. Институт литературы (Пушкинский Дом). Т. 6. Ред. В. П. Адрианова-Перетц, И. П. Еремин. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1948.

Скрынников Р. Г. Борис Годунов. М.: Наука, 1983.

Так называемая Царственная книга. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью // Полное собрание русских летописей. М.: Языки русской культуры, 2000. Т. 13.

Хелли Р. Холопство в России 1450–1725. М.: Академия, 1998.

Хожение за три моря Афанасия Никитина 1466–1472 / сост. В. П. Адрианова-Перетц. М.–Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1958.

Штаден Г. О Москве Ивана Грозного. М.: Изд-во М. и С. Сабашниковых, 1925.

Соболевский А. В., аспирант, преподаватель.

Томский государственный педагогический университет.

Ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061.

E-mail: kvi_TSPU@tspu.edu.ru

Материал поступил в редакцию 13 мая 2015.

Sobolevskiy A. V.

THE IMAGE OF WOMEN OF OTHER CULTURES IN THE RUSSIAN LITERATURE OF XVI CENTURY

The paper reviews the perception of women of other cultures in the Russian literature of the XVI century. The author comes to the conclusion that the specifics of this perception can be attributed to the perceived serious deviations from the stereotypical model of female behavior adopted in Russia of the period. In cases of direct contact, such deviations were construed as negative characteristics, while in the literary descriptions of the way of life of other countries, these deviations were often received as neutral or with sympathetic interest.

Key words: *Russian centralized state, Russian literature, “image of Other”, women’s history.*

References

- Averintsev S. Sud'by evropeyskoy kul'turnoy traditsii v epokhu perekhoda ot Antichnosti k Srednevekov'yu [The fate of the European cultural tradition in the era of transition from Antiquity to the Middle Ages]. *Iz istorii kul'tury Srednikh vekov i Vozrozhdeniya – From the history of the culture of Middle Ages and the Renaissance*. Moscow, Nauka Publ., 1976 (in Russian).
- Aleksandriya: Roman ob Aleksandre Makedonskom po russkoy rukopisi XV v.* [Alexandria: A Novel of Alexander the Great on the Russian manuscript of the XV century]. Izd. podgot. M. N. Botvinnik, Ya. S. Lur'ye, O. V. Tvorogov. Moscow, Leningrad, Nauka Publ., 1965 (in Russian).
- Belyakova E. V., Belyakova N. A., Emchenko E. B. *Zhenshchina v pravoslavii: tserkovnoye pravo i rossiyskaya praktika* [Woman in Orthodoxy: canon law and the Russian practice]. Moscow, Kuchkovo pole Publ., 2011 (in Russian).
- Borisov N. S. *Ivan III* [Ivan III]. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 2003 (in Russian).
- Vremennik Ivana Timofeeva* [Chronograph of Ivan Timofeev]. Podgotovka k pečati, perevod i komentarii O. A. Derzhavinoy; pod. red. chl.-korr. AN SSSR V. P. Adrianovoy-Peretts. Moscow, Leningrad, AN SSSR Publ., 1951 (in Russian).
- Vtoroe poslaniye Ivana Groznogo Kurbskomu [Second Epistle of Ioann the Terrible to Kurbskiy]. *Perepiska Ivana Groznogo s Andreyem Kurbskim*. Tekst podgotovili Ya. S. Lurye i Yu. D. Rykov; Akademiya nauk SSSR. Leningrad, Nauka Publ., 1979 (in Russian).
- Gerbershteyn S. *Zapiski o Moskovii* [Notes upon Muskovy]. Moscow, MGU Publ., 1988 (in Russian).
- Domostroy* [Domostroy]. Izdaniye podgotovili V. V. Kolesov, V. V. Rozhdestvenskaya. 3-e izd. Saint-Petersberg, Nauka Publ., 2007 (in Russian).
- Ermolinskaya letopis' [Ermolin chronicle]. *Polnoye sobraniye russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ., 2004, vol. 23 (in Russian).
- Zhmakin V. I. *Mitropolit Daniil i ego sochineniya* [Metropolitan Daniil and his writings]. Moscow, v Universitetskoy tipografii, 1881.
- Zelenina G. S. Svidetelstva inostrantsev XVI–XVII vekov o moskovitakh-sodomitakh [Evidences of foreigners XVI–XVII centuries of Muscovites-sodomites]. Adam i Eva: *Almanakh gendernoy istorii – Adam and Eve: Almanac of gender history*. Moscow, IVI RAN Publ., 2002, no. 2 (in Russian).
- Zimin A. A. Vypis o vtorom brake Vasiliya III [Extract on the second marriage of Vasiliy III]. *Trudy Otdela drevnerusskoy literatury*. Akademiya nauk SSSR. Institut russkoy literatury (Pushkinskiy Dom) [Proceedings of the Department of Old Russian literature. Academy of Sciences of the USSR. Institute of Russian Literature (Pushkin House)]; otv. red. D. S. Likhachev. Leningrad, Nauka Publ., Leningradskoye otdeleniye, 1976, vol. 30 (in Russian).
- Istoriya o velikom knyaze Moskovskom [History of the Grand Prince of Moscow]. Russkaya istoricheskaya biblioteka, izdavayemaya Arkheograficheskoy komissiey. Vol. 31. *Sochineniya knyazya Kurbskogo*. Vol. 1. Sochineniya originalnye [Russian Historical Library, published by the Archeological Commission. T. 31. Works of Prince Kurbsky. T. 1. Original Works]. Saint-Petersberg, Tipografiya M. A. Aleksandrova Publ., 1914 (in Russian).
- Kantor A. M. *Dukhovnyy mir russkogo gorozhanina. Vtoraya polovina XVII v. Ocherki* [The spiritual world of Russian citizen. The second half of the seventeenth century. Essays]. Moscow, Rossiyskiy gosudarstvennyy gumanitarnyy institut Publ., 1999 (in Russian).
- Krom M. M. “Vdovstvuyushcheye tsarstvo”: *politicheskyy krizis v Rossii 30–40-kh godov XVI v.* [The “Widowed Kingdom”. The Political Crisis in Russia in the 1530s and the 1540s]. Moscow, Novoye literaturnoye obozreniye Publ., 2010 (in Russian).

Letopisnyy sbornik, imenuemyy Patriarshey ili Nikonovskoy letopis'yu [The Patriarch's or Nikon's chronicle]. *Polnoye sobraniye russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles]. Moscow, Yazyki russkoy kultury Publ., 2000, vol. 9 (in Russian).

Lurye Ya. S. Literatura v period obrazovaniya edinogo Russkogo gosudarstva. Elementy Vozrozhdeniya v russkoy literature. Seredina XV–XVI vv. [Literature during the formation of a unified Russian state. Elements of the Renaissance in Russian literature. The middle of XV–XVI Century]. *Istoriya russkoy literatury v 4 t. / AN SSSR. Institut russkoy literatury. Vol. 1. Drevnerusskaya literatura. Literatura XVIII veka* [The history of Russian literature: In 4 t. T. 1. Old Russian literature. Literature of the XVIII century]. Leningrad, Nauka Publ., 1980 (in Russian).

Moiseyeva G. N. Kazanskaya tsaritsa Syuyun-bike i Sumbeka "Kazanskoy istorii" [The Tsarin of Kazan Syuyun-bike and Sumbeka of "Kazanskaya istoriya"]. *Trudy Otdela drevnerusskoy literatury (TODRL)* [Proceedings of the Department of Old Russian literature]. Moscow, Leningrad, AN SSSR Publ., 1956. Vol. 22 (in Russian).

Novgorodskaya letopis' po spisku P. P. Dubrovskogo [Novgorod Chronicle by the redaction of P. P. Dubrovskiy]. *Polnoye sobraniye russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kultury Publ., 2004, vol. 43 (in Russian).

Otryvok sledstvennogo dela ob Ivane Bersene i Fedore Zharenom [An excerpt of the investigation file of Ivan Bersen' and Fedor Zharenyy]. *Akty, sobrannyye v bibliotekakh i arkhivakh Rossiyskoy imperii Arkheograficheskoyu Ekspeditsiyey imperatorskoy Akademii nauk* [Acts collected in libraries and archives of the Russian Empire Archeological Expedition of the Imperial Academy of Sciences]. Saint-Petersburg, Tipografiya 2-go Otdeleniya Sobstvennoy Ego Imperatorskogo Velichestva kantselyarii Publ., 1836, vol. 1 (in Russian).

Pervoye poslaniye Ivana Groznogo Kurbskomu [First Epistle of Ioann the Terrible to Kurbskiy]. *Perepiska Ivana Groznogo s Andreyem Kurbskim* [Correspondence of Ivan the Terrible with Andrew Kurbskiy]. Tekst podgotovili Ya. S. Lurye i Yu. D. Rykov; Akademiya nauk SSSR. Leningrad, Nauka Publ., Leningradskoye otdeleniye, 1979 (in Russian).

Povest' o Petre i Fevronii Muromskikh [The Tale of Peter and Fevronia of Murom]. *Pamyatniki literatury Drevney Rusi. Konets XV – pervaya polovina XVI v.* [Monuments of the literature of ancient Russia. The end of the XV – the first half of the XVI century]. Sost. i obshchaya redaktsiya L. A. Dmitriyeva i D. S. Likhacheva. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1984 (in Russian).

Povest' o tsaritse Dinare [The Tale of the Tsarin Dinara]. *Pamyatniki literatury Drevney Rusi. Konets XV – pervaya polovina XVI v.* [Monuments of the literature of ancient Russia. The end of the XV – the first half of the XVI century]. Sost. i obshchaya redaktsiya L. A. Dmitriyeva i D. S. Likhacheva. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1984 (in Russian).

Poslaniye k tsaryu Ioannu Vasil'evichu [Epistle to the Moscow Tsar Ioann Vasilyevich] / Makary, arkhimandrit. K voprosu ob avtorstve Poslaniya k tsaryu [Macarius, Archimandrite. On the question of authorship of the Epistle to the king]. *Alfa i Omega*. 2008, no. 3 (53) (in Russian).

Poslaniye moskovskomu velikomu knyazyu Vasiliyu Ivanovichu o "Tret'yem Rime", obyazannostyakh pravatelya, obryade krestnogo znameniya [Epistle to the Moscow Grand Prince Vasily Ivanovich of the "Third Rome", the duties of the ruler, sign of the cross ritual]. In: Sinitsyna N. V. *Tret'y Rim. Istoki i evolyutsiya russkoy srednevekovoy kontseptsii* [The third Rome. Origins and evolution of Russian medieval concept]. Moscow, Indrik Publ., 1998 (in Russian).

Pushkareva N. L. *Zhenshchiny drevney Rusi* [Women of Ancient Russia]. Moscow, Mysl' Publ., 1989 (in Russian).

Pushkareva N. L. "Slez eye radi...". Opyt mikroanaliza emotsionalnykh otnosheniy sem'i «novykh russkikh» XVI stoletiya ["For the sake of her tears...". An attempt of microanalysis of emotional relationships in the family of the "new Russians" of XVI century]. *Sotsialnaya istoriya. Yezhegodnik* [Social history. Yearbook]. Moscow, Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN), 2000 (in Russian).

Pushkareva N. L. *Chastnaya zhizn' zhenshchiny v doindustrial'noy Rossii. X – nachalo XIX v. Nevesta, zhena, lyubovnitsa* [The Private Lives of women in pre-industrial Russia. X – the beginning of the XIX century. Bride, wife, mistress]. Moscow, Ladomir Publ., 1997 (in Russian).

Rayan V. F. *Banya v polnoch'. Istoricheskiy obzor magii i gadaniy v Rossii* [The Bathhouse at Midnight: An historical Survey of Magic and Divination in Russia]. Moscow, Novoye literaturnoye obozreniye Publ., 2006 (in Russian).

Repina L. P. "Natsionalnyy kharakter" i "obraz drugogo" ["National Character" and the "Image of the Other"]. *Dialog so vremenem – Dialogue with Time*, 2012, no. 39, pp. 9–19 (in Russian).

Sinitsyna N. V. *Tret'y Rim. Istoki i evolyutsiya russkoy srednevekovoy kontseptsii* [The Third Rome. Beginnings and Evolution of the Medieval Russian Concept]. Moscow, Indrik Publ., 1998 (in Russian).

Skripil' M. O. *Povest' ob Uliyanii Osoryinoy (Kommentarii i teksty)* [The Tale of Uliyana Osoryina (Comments and texts)]. *Trudy Otdela drevnerusskoy literatury*. Akademiya nauk SSSR. Institut literatury (Pushkinskiy Dom). Ed. by V. P. Adrianova-Peretts, I. P. Yeregin. Moscow, Leningrad, AN SSSR Publ., 1948, vol. 6 (in Russian).

Skrynnikov R. G. *Boris Godunov* [Boris Godunov]. Moscow, Nauka Publ., 1983 (in Russian).

Tak nazyvayemaya Tsarstvennaya kniga [So called Tsarstvennaya kniga]. Letopisny sbornik, imenyemy Patriarshey ili Nikonovskoy letopisyu. *Polnoye sobraniye russkikh letopisey* [Chronicle collection, called Patriarchal or Nikon Chronicle. Complete Collection of Russian Chronicles]. Moscow, Yazyki russkoy kul'tury Publ., 2000, vol. 23 (in Russian).

Khelli R. *Kholopstvo v Rossii 1450–1725* [Kholopstvo in Russia 1450–1725]. Moscow, Akademiya Publ., 1998 (in Russian).

Khozheniye za tri morya Afanasiya Nikitina 1466–1472 [A Journey beyond the Three Seas of Afanasiy Nikitin 1466–1472]. Sost. V. P. Adrianova-Peretts. Moscow, Leningrad, AN SSSR Publ., 1958 (in Russian).

Shtaden G. *O Moskve Ivana Groznogo* [On the Moscow of Ivan the Terrible]. Moscow, M. i S. Sabashnikovyykh Publ., 1925 (in Russian).

Sobolevskiy A. V.

Tomsk State Pedagogical University.

Ul. Kievskaya, 60, Tomsk, Russia, 634061.

E-mail: kvi_TSPU@tspu.edu.ru